

ВЫХОД НА ЛИТИЮ

(Из прошлого нашего богослужебного Устава)

Наш богослужебный чин — это монументальное здание, над постройкой которого трудились люди разных веков и разных стран. Благоговейное отношение к историческому прошлому Церкви изначально наложило на работу строителей печать консерватизма. Тем не менее общий закон изменения всего, конечно, и здесь не переставал действовать. Кое-что приходило в ветхость и рушилось, кое-что строилось вновь, кое-что реставрировалось и совершенствовалось. В результате перед нами памятник исключительной церковно-исторической ценности, вековое сооружение с многочисленными надстройками, со следами различной кладки кирпичей, с массой любопытных деталей, происхождение которых и первоначальное назначение не всегда бывают ясны для наблюдателя.

Настоящая заметка и будет посвящена прошлому одной такой детали нашего богослужебного здания, в практике наполовину забытой и исторически недостаточно исследованной. Имеем в виду те литийные исхождения в притвор в конце вечерни и утрени, которые на практике у нас совершаются гораздо реже, чем это предписывается Уставом, в значительной мере утратив уже, как это сейчас увидим, свой первоначальный характер.

Самые ранние следы обычая литийных исхождений находим уже в IV веке в богослужебной практике святого града Иерусалима. По всему видно, что здесь именно обычай этот и получил свое начало. Богослужебный чин Иерусалимской Церкви создавался в совершенно исключительной обстановке святых мест, под сенью храмов, привлекавших отовсюду массы благочестивых поклонников-пилигримов. Издавна неотъемлемую часть известных богослужений составляло здесь посещение тех или иных местных святынь. Об этом мы узнаём прежде всего из рассказов западной паломницы Этерии, посетившей святыне места в конце IV века и оставившей нам любопытный путевой дневник, оказавшийся очень важным источником по церковной археологии и литургике[1].

Вот что рассказывает нам Этерия об интересующей нас особенности иерусалимского богослужения. Ежедневно по окончании вечерни, которая совершалась в храме Воскресения, “Анастасисе”, верующие с епископом во главе с пением гимна шли ad Crucem[2], то есть к храму, или, вернее, атриуму, находившемуся между “Анастасисом” и Голгофой. Здесь совершалось краткое молитвословие в таком порядке: епископ читал молитву, благословлял оглашенных, затем произносил вторую молитву и благословлял верных; при этом все подходило к руке епископа. Отсюда шествие направлялось в храм “post Crucem”[3]. Здесь совершалось то же, что и “ante Crucem”[4]. Паломница замечает: “Везде висит много больших стеклянных лампад и стоит много свещников, как перед храмом Воскресения, так и перед Крестом и за Крестом, и все это оканчивается с темнотою. Такая служба правится ежедневно в течение шести дней у Креста и в Воскресении”[5]. Что же касается седьмого дня — воскресенья, то в этот день нечто подобное совершалось еще также и в заключение утрени: “Епископ выходит и идет при пении гимнов ко Кресту, и весь народ идет с ним. Там снова поется один псалом и произносится молитва. После этого он благословляет верных, и бывает отпуст”[6].

Несомненно, перед нами иерусалимский прототип выходов на литию. Как видим, здесь, в Иерусалиме, целью таких выходов было посещение местных святынь, представлявших целый комплекс зданий, построенных (Константином Великим) на месте страданий и Воскресения Христа. Двор ante Crucem примыкал к входным дверям “Анастасиса” и находился на восток от последнего (вход в “Анастасис” был с востока). Голгофа же, как думают, занимала юго-восточный угол этого двора. А к ней с востока примыкала небольшая часовня — post Crucem[7]. Сами исхождения, таким образом, были тесно связаны с иерусалимской обстановкой и носили ярко выраженный локальный характер. Совершались

они, как видим, ежедневно в заключение вечерней службы, причем в воскресенье исхождение совершалось и после утрени, но только в ante Crucem. Диктовались они, разумеется, естественной в иерусалимской обстановке потребностью поклониться после службы у Гроба Господня другим, близлежащим великим святыням — месту распятия и обретения Креста.

Кроме этих исхождений ежедневных, связанных с суточной службой, в Иерусалиме во времена Этерии совершались и другие — чрезвычайные. Эти последние отличались особой торжественностью и были приурочены к известным дням в году. Например, в Лазареву субботу верующие собирались после полудня в Вифанию, в церковь, построенную на том месте, где Мария встретила Господа. Отсюда шли ко гробу Лазаря и потом уже возвращались в Иерусалим, где в “Анастасисе” служилась вечерня. Таких примеров — иногда с еще более развитым планом передвижения (накануне Великого Пятка целое ночное бдение проходило в таких торжественных шествиях по святым местам) — немало и в рассказе Этерии, и в позднейших богослужебных памятниках Иерусалимского Устава. При посещении отдельных мест обычный порядок молитвословий во времена Этерии был следующий: пение гимна и антифона, чтение из Евангелия отрывка, приуроченного к месту, и молитва, иногда еще и благословение присутствующих. Шествия этого рода еще долго занимали весьма видное место в иерусалимском богослужении, сохраняя свои существенные элементы: пение гимнов (стихир), антифонов и чтение Евангелий, как это видно из святогробского Устава в рукописи 1122 года[8]. Но они, хотя и назывались здесь словом “лития” (λίτη), с литиями нашего Устава имеют, очевидно, весьма отдаленную связь и напоминают, скорее, наши крестные ходы, совершаемые вне связи с суточным богослужением по чрезвычайным поводам.

В Константинополе торжественные крестные ходы ночью по городу с преднесением серебряных крестов и горящих светильников совершались уже во времени Иоанна Златоуста, о чем сообщают Сократ и Созомен. Древнейшие богослужебные памятники Константинополя полны упоминаний о торжественных выходах-литиях к различным святыням города, совершавшихся при участии Патриарха, а иногда и императора. Литии эти были принадлежностью почти всякого торжественного богослужения.

Возьмем для примера службу 1 сентября по уставу Великой Церкви в рукописи Иерусалимской Патриаршей библиотеки № 40, X—XI века[9]. Накануне во время вечерни в храме Святой Софии Патриарх в положенный момент отправлялся с литией при пении “Богородице Дево” в τα χάλκοπράτεια, то есть в Халкопратийский храм Богородицы, находившийся в непосредственном соседстве с храмом Святой Софии. По выходе Патриарха в храм Святой Софии вечерня продолжалась своим чередом (по Уставу Великой Церкви), причем читались преподобнические паремии и пелся тропарь Святому Симеону. В это же время в Халкопратийском храме Патриарх, совершив вход, служил параллельную службу, но уже в честь Пресвятой Богородицы с чтением богородичных паремий и пением тропаря “Радуйся, Благодатная”. Из Халкопратийского храма Патриарх отправлялся в храм Пресвятой Богородицы εν τῷ Οὐ*τβίσιβου, где в этот день совершалась память обновления храма, и здесь “ходил и возжигал свечи”, то есть, вероятно, совершал вход и связанные с ним обряды каждения и возжжения свечей в алтаре. На другой день после утрени в храме Святой Софии совершалась при участии Патриарха лития на форуме с пением Трисвятого. На форуме пелись три антифона, читался Апостол и Евангелие индикту, и лития направлялась в Халкопратийский храм, где читались Апостол и Евангелие и совершалась Литургия.

Месяцеслов в Уставе Константинопольской Церкви испещрен подобными указаниями. К сожалению, мы не имеем памятников, которые воспроизводили бы обычную воскресную и простодневную службу по этому Уставу, а потому и не можем судить, какое место занимали литии в этих службах. Что же касается литий, подобных упомянутым выше, то они существенно отличаются от иерусалимских литий первого рода (ежедневных) тем, что совершаются только в известные праздничные дни и весьма разнообразятся направлением и конечными пунктами шествий, а от иерусалимских литий второго рода (чрезвычайных) —

своей органической связанностью с суточными богослужениями, именно — вечерней и утреней. Разумеется, константинопольские литии отличались существенно от иерусалимских и своим характером, так как Константинополь не имел тех святынь, что Иерусалим. Однако уже в приведенном примере с достаточной определенностью выступает одна черта этих константинопольских исхождений, весьма характерная и для литий иерусалимских святогробских и особенно для литий монастырских Уставов, — это их, так сказать, храмовый характер, выражающийся в соответствии между литийным богослужебным материалом и храмовой памятью посещаемой во время литии святыни (богородичные песнопения и чтения при посещении богородичного Халкопратийского храма).

Это соответствие станет еще более выразительным, когда мы обратимся к древним монастырским уставам. В первую очередь следует остановить внимание на Уставе лавры святого Саввы Освященного близ Иерусалима. Устав этот, как известно, сыграл наибольшую роль в истории образования нашего Типикона. Вот как совершалась в лавре святого Саввы лития на воскресной всенощной согласно древнейшему списку Устава этой обители — рукописи Синайской библиотеки № 1096, XII век[10]. После возгласа просительной ектении на вечерни при пении мученичных стихир гласа все шли из главной церкви в так называемую богозданную. После малой ектении (“Паки и паки”) шествие направлялось в храм Предтечи с пением стихир “Пророче, проповедниче Христов” и Богородична. Здесь происходило помазание елеем, произносилась ектения “Паки и паки”, и все шли с пением стихир святому Савве к его гробу, находившемуся у входа в главную церковь. Братия окружала гроб, иерей совершал каждение, пелся (на “Слава и ныне”) Богородичен и произносилась особая ектения: “Паки прилежно Господу помолимся”. Братия: “Господи, помилуй” — единожды. “Еще о преподобных отцах наших игуменех...” (прочитывались по диптиху имена всех игуменов, начиная с преподобного Саввы и кончая последним настоятелем лавры). “Господи, помилуй” — трижды. Иерей: “Пресвятую Пречистую Преблагословенную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию и преподобного и богоносного отца нашего Савву со всеми святыми помянувшие...” Иерей — молитву: “Спаси, Боже, люди Твоя...” “Господи, помилуй” — 50 раз. “Еще молимся о оставлении грехов раба Божия... монаха (вероятно, настоятеля монастыря) и всего во Христе братства нашего и о всякой душе христиан скорбящих...” “Господи, помилуй” — 50 раз. Затем поминались цари, вписанные в диптих, живые и умершие. Возглас: “Услыши ны, Боже...” “Мир всем”. “Главы наша...”. Иерей читал громко над преклонившими колена монахами молитву “Владыко Многомилостиве” с упоминанием имени преподобного Саввы. По “Аминь” с пением воскресных стихир на стиховне все входили в храм. Совершалось благословение хлебов и полагалось великое чтение, во время которого братия получала по куску хлеба и по чаше воды (об освящении пшеницы, вина и елея упоминания нет). Второй литийный выход совершался в конце утрени опять-таки после возгласа просительной ектении. На этот раз шли сперва ко гробу святого Саввы с пением стихир ему (“Преподобне отче, Церкви был еси слава”) и Богородична. Священник кадил и произносил малую ектению — “Паки и паки”. Затем пелась стихира “Подобает Иоанну благовоние, подобает Крестителю песней красота”. С пением этой стихир шли в храм Иоанна Предтечи. На “Слава и ныне” пелся Богородичен и произносилась ектения. Наконец с пением 4-й хвалитной стихир воскресной и Богородична на “Слава и ныне” приходили в “богозданную” церковь. Произносилась ектения: “Паки и паки...”. “Заступи...”. “Спаси, Боже, люди Твоя...” (“Господи, помилуй” — 12 раз). “Еще о братиях наших в немощи лежащих, о здравии и спасении, скорей помощи, посещении и исцелении их Господу помолимся” (“Господи, помилуй” — трижды). Молитва читалась в такой редакции: “Владыко Многомилостиве, Господи Иисусе Христе, Боже наш, молитвами Всепречистыя Твоя Богородицы и иже во святых отца нашего Саввы, посети их милостию и щедротами, исцели их душею и телом. Милостив бо Бог еси, и подобает Тебе слава...” Все: “Аминь”. Священник: “Премудрость!” Все: “Благословите, святии, благословите”. Священник: “Сый благословен...” и отпуст. Порядок посещения святынь на утрени, как

видим, обратный по сравнению с вечерней литией. Объясняется это, вероятно, тем, что после утрени уже не возвращались в главную церковь.

Несомненно, лавра святого Саввы Освященного с самого начала своего существования в отношении богослужебных порядков находилась под непосредственным влиянием Иерусалимского Святогробского храма. В этом благотворном влиянии близлежащего Иерусалима, вероятно, и заключается секрет большой содержательности и благолепия лаврских служб, а вследствие этого — и той необычайной популярности и того уважения, которыми издавна пользовался среди монахов всего Православного Востока Устав лавры святого Саввы Освященного. Иерусалимские богослужебные порядки, конечно, не могли быть восприняты целиком нигде ввиду исключительных местных условий, в которых они создавались. К тому же монастырь мог их воспринять, лишь сочетав со строгими правилами монашеского Устава. Как своеобразно преломлялись иерусалимские богослужебные порядки в лаврской обстановке, видим на примере с литиями. Лавра не имела ни Гроба Господня, ни Голгофы. Но и здесь были свои святыни, являвшиеся предметом благоговейного почитания насельников монастыря. И вот в соответствии с иерусалимскими святогробскими литиями мы видим и здесь литии по окончании вечерней и утренней службы — к местным лаврским святыням.

Богозданная церковь (τοῦ θεοκτίστων) устроена была самим преподобным Саввой и являлась, таким образом, памятником первых дней существования обители и свидетелем трудов преподобного по устройству монастыря. Название ее объясняется тем, что помещалась она в натуральной пещере, чудесно указанной Богом святому Савве, о чем говорится в житии[11]. О храме Предтечи в древних и новых описаниях лавры ничего не говорится[12]. Гроб святого Саввы — главная святыня монастыря — находился в притворе большой церкви[13]. Надо предполагать, что над гробом была часовня (может быть, что-нибудь вроде иерусалимской Кувуклии), так как в рукописи говорится, что священник во время литии входит εἰς τὸν τάφον (в склеп (греч.). — Ред.) (С. 22) или εἰς τὴν κηλίαν τοῦ ἀγίου (во гроб святого (греч.). — Ред.) (С. 43)[14].

Литийный богослужебный материал и здесь, как видим, был приурочен к месту: на пути к храму Предтечи поются стихиры Предтече. Во время литии ко гробу святого Саввы поются его стихиры. Поминование поименно игуменов монастыря, преемников преподобного, было тоже весьма уместно здесь, у гроба преподобного основателя лавры, именем которого начинался список имен в диптихе. Очень возможно, что останки этих игуменов лежали здесь же в усыпальнице, под притвором[15]. Напрашивается вопрос, не потому ли пелся по возвращении в главную церковь тропарь “Богородице Дево”, что это была церковь Благовещения[16]. Неясным остается лишь выбор стихир для литии в “богозданную” церковь. Церковь эта была посвящена Пресвятой Богородице, как видно из самой рукописи и рассказа игумена Даниила[17]. Между тем во время литии туда на вечерни пелись мученичные стихиры, а на утрени — стихира воскресная хвалитная с Богородичном. В некоторых случаях, по той же рукописи (если по случаю прилучившегося праздника утренняя евангельская стихира не пелась в свое время — с. 24, а также от недели Мясопустной до Ваий — с. 25), во время утренней литии в “богозданную” церковь пелась еще на “Слава” и утренняя евангельская стихира.

Богослужебные порядки лавры святого Саввы воспроизводились с возможной точностью в других монастырях, принимавших в руководство Устав лавры. Литийные выходы при этом должны были, конечно, соответствующим образом модифицироваться применительно к местным условиям. Вот как совершалась лития в знаменитой обители Синайской. Согласно рукописи тамошней монастырской библиотеки № 1097, 1214 года[18], лития на воскресной всенощной в конце вечерни состояла из трех частей: 1) мученичная стихира с Богородичном и малая ектения, 2) стихира святого (?) с Богородичном и малая ектения, 3) стихира пророка (Моисея?), каждение и литийная ектения — “Спаси, Боже, люди Твоя...”. Рукопись ничего не говорит о храме или святых местах, посещавшихся во время этой литии. Тем не менее ясно,

что лития эта предполагает три этапа шествий соответственно трем вышеуказанным частям литии (указания на это, хотя и неопределенные, в рукописи есть: мученичную стихиру поют $\epsilon\dot{\iota}\chi\epsilon\rho\sigma\upsilon\mu\epsilon\nu\omicron\iota\ \epsilon\dot{\iota}\dot{\iota}$ lithvn (выходящие на молитву (греч.). — Ред.); в начале второй части — опять замечание: $\epsilon\dot{\iota}\dot{\iota}\chi\upsilon\upsilon$ thVn lithVn poiou~men (тотчас молитву совершаем (греч.). — Ред.); в третьей — $\iota\&post\sigma\tau\epsilon\nu\epsilon\dot{\iota}$ (поворачивает назад (греч.). — Ред.); при упоминании о стихирах стиховных — $\epsilon\dot{\iota}\dot{\iota}\chi\epsilon\rho\sigma\upsilon\mu\epsilon\tau\alpha\ \epsilon\dot{\iota}\dot{\iota}$ паοvν (входим в храм (греч.). — Ред.). В заключение утрени в этой же рукописи указано лишь одно исхождение — в храм Святой Купины, при этом поется “обычное” ($\tau\alpha\nu\ \kappa\alpha\tau\alpha\ \sigma\upsilon\eta\eta\nu\upsilon\epsilon\dot{\iota}\alpha\nu$), и произносятся литийные молитвословия. Синайский монастырь издавна находился в сфере влияния лавры святого Саввы. В чине вечерней литии аналогия с саввинским Уставом запрашивается сама собой.

Вот еще один пример обхождения монастырских храмов во время вечерней литии на воскресной всенощной по рукописи иерусалимской Патриаршей библиотеки № 311, XVI века[19]. Устав, как и в предыдущем примере, по чину лавры Святого Саввы, но какого монастыря порядка отражает сама рукопись — не видно. Лития начинается пением самогласных стихир некоего святого и исхождением к его “эвктириону”, то есть небольшому храму-часовне[20]. Здесь произносится первое литийное возгласие: “Спаси, Боже, люди Твоя...”. Отсюда с пением стихир преподобному Симеону идут в его храм — “эвктирион”. Произносится второе возгласие: “Еще молимся о благочестивейших и богохранимых наших царех...”. Затем с пением стихир Пятидесятницы идут в церковь Святой Троицы. Иерей произносит следующее литийное возгласие: “Еще молимся о рабе Божиим (имя рек) здравии и спасении...”. Отсюда с пением самогласных стихир очередного гласа идут в притвор главного храма; иерей кадит и произносит заключительные литийные молитвословия. При пении стихир стиховных входят в храм. В заключение утрени по этому Уставу выходили только в притвор, произносили обычные литийные возгласия и после заключительной молитвы “Владыко Многомилостиве” игумен и братия взаимно просили прощение.

В грузинском рукописном Типиконе Шиомгвимского монастыря XIII века (Устав Иерусалимский) лития на вечерне, равным образом, состоит из обхождения монастырских храмов с пением соответствующих храмовых стихир[21].

Приведенные примеры относятся к обычной воскресной всенощной. К сожалению, мы не располагаем данными относительно совершения литий в лавре святого Саввы в большие праздники[22]. Поэтому остается неразрешенным вопрос, какой характер имели литийные исхождения в эти дни и совершались ли они вообще в великие праздники.

Что же касается храмовых праздников в монастыре и дней местночтимых святых, то литийные выходы к местным святыням в эти дни были особенно естественны, и они действительно совершались, как о том свидетельствуют рукописи. Так в лавре святого Саввы Освященного (согласно вышеупомянутой рукописи № 1096) за всенощным бдением накануне 5 декабря — дня памяти святого Саввы — совершалась на вечерне и утрени лития к его гробу. Накануне, 20 марта, — память святых отец, убиенных в лавре святого Саввы персами, — совершалась лития в “богозданную” церковь и ко гробу святого Саввы[23]. В Синайском монастыре (согласно рукописи № 1097) за вечерней накануне памяти святой Екатерины совершалась лития в гробницу святой Екатерины. В том же монастыре в день памяти святых Отец, в Синае и Раифе убиенных (14 января), совершалась лития за вечерней в храме Предтечи, где покоились останки убитых, и к другой местной святыне — храму Святой Купины. Особенно торжественно совершался литийный выход в Синайском монастыре в день памяти пророка Моисея (4 сентября), особо чтимого здесь святого. По выходе из храма шествие направлялось в гробницу святой Екатерины; пелись стихиры святой, стихира Преображению (на “Слава”) и Богородичен, после чего произносились литийные молитвословия. Отсюда шли в храм Предтечи; пелись стихиры Предтече, “Слава” — “Преподобнии отцы” (несомненно, в честь покоившихся здесь убиенных отцов), “и ныне” — стихира Успению. Затем с пением стихир пророка Моисея шли к “красным

вратам”. Отсюда после литийных молитвословий шли в храм Святой Купины с пением соответствующих стихир (праздника Сретения и других в честь Богородицы) и, наконец, по окончании литийных молитвословий возвращались в храм с пением стихир стиховных (в честь пророка Моисея).

В чине литии по Уставу лавры святого Саввы обращает на себя внимание одна подробность — преклонение колен при чтении молитвы “Владыко Многомилостиве”, даже на воскресной всенощной[24]. Допускалось это, вероятно, потому, что лития совершалась не в самом храме, а в притворе. С другой стороны, факт коленопреклонения можно рассматривать как доказательство того, что лития отнюдь не была принадлежностью торжественной службы по преимуществу. О будничной службе в лавре святого Саввы сведений не имеется. Но из других литературных памятников узнаем, что лития была принадлежностью всякой вечерни и утрени независимо от того, пелось ли “Алилуиа” или “Бог Господь”[25]. Любопытное указание по этому предмету находим в рукописи Афоно-Ватопедской библиотеки № 3201 (346 года)[26]: “Надо знать, что всегда в течение целого года бывает лития вечером и утром по отпусте светильничного и утрени, и поминаются поименно все почившие во Христе отцы и братия наши, записанные в монастырском помяннике. Поминаются же не все вместе за каждой литией, но по частям в течение только 6 дней, то есть от утра понедельника до утра субботы. Ибо в воскресенье вечером не бывает литии, а в субботу вечером и воскресенье утром литии хотя и бывают, но усопшие не поминаются, точно так же когда бывает Владычний праздник или память великого святого, празднуемая на 8. Упраздняются такие литии за почивших во святую и великую 40-цу: когда бывают Преждеосвященные, что касается только самой вечерни (то есть Преждеосвященной); в субботу святого Лазаря и от утра Великого Четвертка до вечера Светлой Субботы; разве что случится Благовещение; тогда бывает лития, как указано в Типиконе”[27]. Аналогичное исключение для праздника Благовещения (но не для других праздников, например храмового) делает и наш Типикон (за исключением, впрочем, Великой Пятницы, Великой Субботы и первого дня Пасхи, накануне коих дней лития не совершается даже и под Благовещение).

Таким образом, лития на вечерни и утрени отнюдь не составляла отличительной особенности праздничной службы. В зависимости от праздника менялся лишь характер литии (отменялось поминовение усопших). Однако, говоря о праздничной службе, следует упомянуть еще об особом рода литиях, являвшихся отличительной особенностью праздника по преимуществу. Это — литии перед обедней “вне монастыря”, упоминания о которых мы находим и в наших богослужебных книгах. Так как в указаниях этих ничего не говорится о порядке совершения таких литий, не лишним будет привести выдержку из упоминавшегося уже неоднократно Устава лавры святого Саввы № 1096 относительно совершения такой литии 9 марта в день 40-ка мучеников: “При наступлении 3-го часа ударяет кандилонжигатель в железо, и, собравшись, все выходим в места поклонения (eij) taV p̄roskunnhv̄mata) с литией и поем 3 часа (3-й час?) стихословием. Потом немного отдыхаем и читаем о страдании святых, затем идем в другое место поклонения и поем 6-й час так же, как и 3-й, подобным образом и 9-й в ином месте, и после этого возвращаемся в притвор и поем кондак и стихиры. По входе в храм бывает ектения, затем произносится “Помяни нас, Господи” и прочее по обычаю, три поклона и отпуст”.

В Константинопольском Студийском Уставе, сложившемся под влиянием лавры святого Саввы, также существовали литии. В самом Студийском монастыре в конце вечерни и утрени ходили к раке преподобного Феодора Студита, а в монастыре, основанном Патриархом Алексием (знаменитая рукопись Ктиторско-Студийского Устава бывшей Московской Синодальной библиотеки № 330—380) — в притвор святителя Алексия[28]. Неизвестно, впрочем, совершалась ли лития по Студийскому Уставу за праздничной службой. В Алексиевом Уставе в службе 8 сентября упоминания о литии нет[29]. Но упоминания о литиях праздничных перед обедней в ктиторско-студийских рукописях (правда, позднейших)

имеются. Так, например, по Крпиферратскому Типикону XIII—XIV веков, 8 сентября часы с Блаженными пресвитеры “поют одеваясь” к литии перед Литургией[30]. В славянском Типиконе бывшей Петроградской публичной библиотеки (Ф. п. 1. № 102, XIII век) о службе в Вербное воскресенье читаем: “По выфторем часе дъне облачится ереи и дяк., исходять с литию поюшим' же нам троп. Обьще вськр., поемь конд., възвращающимся нам в церковь влазим и творим ектение велми, таж. отпус., таж. клепем великое клепало и начнем божествьна литур.”[31]. О часах упоминания нет.

Из приведенного материала видим, что литийные выходы на вечерне и утрени изначально имели своей целью поклонение святыням данного храма, города или монастыря. Поэтому ни одна часть богослужения не была так связана с местными условиями и обстановкой церковнобогослужебной жизни и так не разнообразилась и не видоизменялась в зависимости от них, как литии. В связи с этим местно храмовым характером находится и заупокойный элемент литий, с которым мы встречались выше при изложении чина литий монастырских. Память местных святых, подвижников монастыря, по ассоциации связывалась с памятью всех вообще почивших насельников обители. Грани, так сказать, стирались. Характерна сама форма поминовения: “Еще (молимся) о преподобных отцех наших...” Так поминались в лавре святого Саввы и убиенные преподобные отцы на всенощной 20 марта, и почившие игумены — на обычной воскресной всенощной. В последнем случае опять-таки весьма характерен перечень имен усопших, в котором на первом месте стоит имя самого “преподобного и богоносного отца нашего Саввы”. Прошлое монастыря при этом молитвенно связывалось с настоящим, поминался здравствующий игумен со всею во Христе братией и отдельно (на утрени) болящие иноки обители. За упокой поминались также ктиторы монастыря[32]. Надо сказать, что литийные чины, сохраняя в рукописях все указанные элементы, несколько разнятся редакцией этих возглашений, их числом, а равно числом ответных “Господи, помилуй”. Неизменно повторяется всюду лишь возглашение “Спаси, Боже, люди Твоя”, а равно заключительная молитва “Владыко Многомилостиве” с упоминанием имени местного святого. К вышеуказанным элементам — храмовому, заупокойному и заздравному — присоединились со временем моления об избавлении от грозящих бедствий (нынешнее прошение: “О еже сохранитися граду сему...”). Умилостивительные литии (крестные ходы) по случаю общественных бедствий практиковались издавна в Константинополе. Возможно, что здесь именно они оказали влияние на иерусалимский монастырский состав литийных прошений. Симеон Солунский, знаток константинопольских богослужебных порядков, говорит, что лития совершалась за воскресной и праздничной службой, а кроме того и во время находящих бедствий — “по городу или вне его или вокруг стен”[33]. Пршение “О еже сохранитися святей обители сей” встречаем уже в синайских рукописях № 1097 (1214 год) и № 1101 (1311 год) на особой ночной службе, совершавшейся 1 мая в память страшного землетрясения, посетившего Синай в 1211 году. На литии во время этой службы рукописи приводят одно только это прошение, притом в редакции, очень близкой к нынешней[34].

В эволюции чина литии храмовый элемент постепенно отходит на последний план. Вместе с тем в значительной степени теряли свое значение и самые литии. Все это понятно, так как “исхождения” имеют свой полный смысл лишь тогда, когда налицо особо чтимые святыни, оправдывающие такие выходы, но в большинстве храмов не было соответствующих условий для литийных выходов, особенно для таких сложных, как в лавре святого Саввы. Но и в больших монастырях заметна была тенденция к ограничению подражания лавре святого Саввы. Уже в синайском богослужении, как мы видели, на воскресной утрени лития состояла лишь из одного выхода — к Святой Купине. Аналогичным образом сокращалась утренняя лития и в богослужении того неизвестного монастыря, где на вечерне лития обнимала целых четыре этапа. В самой лавре святого Саввы, по значительно позднему рукописному Типикону (Лаврентианской библиотеки во Флоренции — 1336 года)[35], лития на вечерни и утрени сводилась только к посещению гроба святого

Саввы. Равным образом, в Синайском монастыре, по другому Уставу, вероятно позднему, уже и на вечерне (воскресной) лития состояла только из одного выхода (с пением стихир пророку Моисею). Но и в такой урезанной форме лития не сохранила в богослужении своего первоначального положения — неотъемлемой части ежедневной службы. Если в лавре святого Саввы, Студийском монастыре, монастыре Патриарха Алексия притвор как место упокоения лица, память которого была особенно дорога для иноков обители, продолжал оставаться вполне естественным местом выхода на литию, то в других случаях выход в притвор был простым подражанием. Правда, в это богослужebное действие вкладывалась своеобразная и, надо сказать, весьма глубокая символика. Симеон Солоунский видит в нем напоминание об изгнании из рая[36], но это уже позднейшее толкование. В большинстве монастырей и приходских храмов не было достаточных побуждений для строгого соблюдения традиционной практики относительно литий. В результате они стали совершаться реже, только тогда, когда по Уставу их следовало совершать до отпуска как органическую часть основной службы, то есть только в дни с всеобщим бдением³⁷. Указания относительно совершения литии в эти дни сохранил и наш Типикон, но практика, как известно, пошла еще дальше, сохранив литию только на праздничной службе, и то только на вечерне.

В результате на литии нам уже почти не приходится слышать храмовых песнопений (поются почти всегда стихиры праздника), а имя храмового святого окончательно затерялось в разросшемся перечне имен святых в молитвах “Спаси, Боже, люди Твоя” и “Владыко Многомилостиве”. Вместе с тем утратил свое богослужebное значение и притвор. Притворы, украшенные многочисленными иконами с горящими перед ними свечами, мы можем видеть только в старообрядческих молельнях. Можно думать, что в древности притвор украшался иконой храмового святого, так как весьма естественно предположить, что та часть храма, куда выходили чествовать покровителя храма, имела его изображение. У греков же и вообще литий теперь не служат (если не считать тех редких обителей, где еще хранится древний богослужebный чин).

У нас обыкновенно лития всегда связывается с благословением хлебов. Но в действительности благословение хлебов связано лишь с всеобщим бдением; последнее, по Уставу лавры святого Саввы, всегда включало вкушение молящимися благословенной пищи, необходимой для подкрепления участников продолжительной ночной службы. Благословение хлебов и самая трапеза (во время великого чтения) совершались не в притворе, а в средней части храма. Они не имели никакого отношения к литии. Поэтому на простодневной вечерне, а равно на вечерне праздничной, когда почему-либо не бывало всеобщего бдения, лития совершалась, но благословения хлебов не бывало[38], а в Студийском Уставе, где бдения в нашем смысле слова вообще не бывало, не бывало и благословения хлебов на вечерни[39]. В отдельных случаях (6.X, 18.X, 14.XI, 16.XI, 30.XI), когда нашим Уставом положено совершение литии на вечерни, не входящей в состав бдения, благословения хлебов не бывает.

Относительно связи с утренней литией “оглашений” Феодора Студита и обряда помазания елеем можно говорить лишь предположительно. По некоторым рукописям, оба эти дополнения к утрени совершались в самом храме еще до исхождения в притвор⁴⁰. Правда, современный Типикон во 2-й и 3-й главах отводит место для “оглашений” Феодора Студита и помазания елеем — после исхождения в притвор (отпуст утрени, многолетие, исхождение в притвор с пением стихир самогласной, уже без литийных молитвословий, “оглашение” Феодора Студита, тропарь ему и 1-й час; если бывает помазание, то во время литии поются стихиры святому, дальше следует помазание, молитва “Владыко Многомилостиве”, “оглашение” Феодора Студита и 1-й час), но тот же Типикон в “Марковых главах”, говоря о совпадении воскресной и праздничной службы, везде указывает “оглашение” и помазание еще до выхода на литию. Надо думать, однако, что изначальной является первая практика. Обычай чтения “оглашений”, то есть наставлений Феодора

Студита монахам, несомненно, возник в Студийском монастыре и, очень возможно, в связи с литией ко гробу преподобного Феодора. Дополнение к литии в форме чтения “оглашений” преподобного у его гроба было здесь весьма уместно и естественно. Одна грузинская богослужебная рукопись отводит место для чтения оглашений в чине самой литии после возглашений литийной ектении; по прочтении “оглашения” следовал возглас: “Услыши ны, Боже...”, “Мир всем” и главопреклонная молитва “Владыко Многомилостиве”[41]. Что же касается обряда помазания елеем, то на изначальную связь ее с литией может указывать литийная молитва “Владыко Многомилостиве” (*Devspota poluevlee*), всегда читавшаяся при совершении этого обряда. Впрочем, могло быть и иначе: помазание могло заменять собой литию на утрени в праздники великих святых. Так, по крайней мере, выглядит по Типикону б. Петроградской публичной библиотеки № 56542 1392 года, где содержится древнейшее известное нам упоминание о помазании.

Дмитрий ОГИЦКИЙ († 1995)[43]

Подстрочные примечания:

1 Паломницу эту одно время отождествляли с Сильвией Аквитанской, но впоследствии было установлено ее действительное имя, и теперь памятник этот известен в науке, как “*Itinerarium Etheriae*”.

2 ко Кресту (лат.). — Прим. ред.

3 за Крест (лат.). — Прим. ред.

4 перед Крестом (лат.). — Прим. ред.

5 *Peregrinatio ad loca sancta*. “Православный Палестинский сборник”. 1889. Вып. 20. С. 41 и 141.

6 Там же. С. 142-143.

7 *Dictionnaire d'archeologie chret. et de la liturgie* Каброля и Леклерка. Т. V. Париж, 1927 (под словом “*Jerusalem*”).

8 Пападопулос-Керамевс. “*Anavlecta ijeros. stacuologiva*”, Петербург, 1894. В Синайском монастыре есть даже особая тетрадка (19 в.) с чином аналогичных “литаний”, приспособленных к Синайской топографии (А. Дмитриевский. *Turikav*, II. С. 748).

9 А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 3. *Turikav*, ч. II. Петроград, 1917. С. 766 и след.

10 А. Дмитриевский. *Turikav*, II. С. 20 и след.

11 Ср. в “Хождении” игумена Даниила: “Посреде же келей тех к западу лиць, ту пещера дивна под скалою каменою, и в той пещере церкви Святыя Богородица, и ту пещеру показа Бог святому Саве столпом огненным, преже живушу ему единому в потоце том” (“Прав. Палестин. Сб.”. Вып. 3. С. 54).

12 Единственное известное нам упоминание о нем — в сербском описании святых мест XVII в. в перечне храмов лавры. (“Прав. Палест. Сб.”. Вып. 14. С. 16).

13 В только что изложенном чине литии: “*Εξερσυνεμεα ειη*” *thVn navrqhka ειη*” *thVn koivmhsin tou` a&givou*” (Выходим в притвор в усыпальницу святого (греч.) — Ред.) (С. 24). В той же рукописи помещение над гробом (по-видимому, этот же самый притвор) называется *h& a&giva mavndra* (святой вертеп (греч.) — Ред.) (С. 21, 22).

14 Впоследствии мощи святого Саввы были увезены крестоносцами, а притвор разрушился и более не был восстановлен. Арсений Суханов: “А что был притвор и пался, идеже гроб святого Саввы, и то место ныне за монастырем стало” (Проскинитарий. Казань, 1870. С. 190). Теперь над гробом стоит часовня “против западных врат церкви на середине дворика” (А. Л. “Пустыня Св. Града” // “Душепол. Чт.”, III. С. 121).

15 “Окрест часовни обширное подземелье, служащее усыпальницей” (Там же. С. 125).

16 Что главная церковь была именно Благовещенской, узнаем из Сербского перечня храмов лавры XVII в.: “Прва соборна црковь благовештение пресветие Богородице” (“Прав. Пал. Сб.”. Вып. 14. С. 16).

17 См. примеч. выше. Теперь церковь посвящена Святителю Николаю (Михайловский. По Св. Земле. СПб., 1889. С. 107).

18 Дмитриевский. Турікав, II. С. 399 и след.

19 Там же. С. 348 и след.

20 Нарушенный издателем контекст оригинала (в Турікав II даются лишь фрагменты рукописей) не дает возможности установить, о каком “этом святом” речь в данной фразе.

21 М. Скабалланович, Толковый Типикон, вып. 2, Киев, 1913. С. 165 и 168.

22 Месяцесловная часть древнейших уставов этой обители до сих пор не опубликована, если не считать нескольких случайных фрагментов.

23 Дмитриевский. Турікав, II. С. 32 и 42.

24 Там же. С. 22, 348, 401; И. Мансветов, Церк. Уставы, Москва, 1885. С. 198.

25 Турікав, II. С. 395 (рукоп. 1214 г.). С. 319 (рукоп. 1528 г.).

26 Там же. С. 430.

27 Венецианский печатный типикон 1603 г. распространяет отмену поминовения усопших за литией и на утреню праздника с великим славословием (но не на вечерню). Цитата в Турікав, II. С. 430-431.

28 И. Мансветов. Церк. Уст. С. 153.

29 Там же. С. 413.

30 М. Скабалланович. Толк. Типикон. Вып. 1. Киев, 1910. С. 409.

31 Турікав, II. С. 489.

32 Турікав, II. С. 319 (рукоп. Типикон 1528 г.). Скабалланович. Толковый Типикон. Вып. 2. С. 323 (рукоп. № 330-380).

33 Migne. P. G., 155, col. 613.

34 Турікав, II. С. 415-416.

35 Там же. С. 160.

36 Migne. Там же.

37 В будние дни литию положению было совершать после отпуста вечерни и после отпуста 1-го часа (типиконы: Син. Б. № 1907 — Турікав, II. С. 395; Аф.-Ват. Б. № 320, там же, 430; собр. проф. Дмитриевского, там же 319 и 111; Аф.-Пант. Б., там же, 570; Лавры Аф. Аф. № 98, там же, 107-108; Иер. Патр. Б. № 309 — Пападопулос-Керамевс; `IerosolimitikhV Bibl., т. II, ч. 1, Пг., 1894. С. 438). В праздничные и воскресные дни — на вечерни так же, как и теперь, после заключительного возгласа просительной ектении, на утрени — или же после возгласа просит. Ектении (Син. Б. № 1096 Турікав, II. С. 24; Син. Б. № 1097, там же, 402), или после “Утверди, Боже” (Син. Б. № 1096, служба 5.XII, там же, 35). В позднейших уставах положено на праздничной утрени совершать литию после отпуста (типикон Аф.-Пант. Б. 1841 г., там же, 568; нынешний устав); это опять-таки на практике привело к полному упразднению литии на утрени.

38 В Синайском типиконе № 1097 после изложения чина торжественной литии накануне памяти пророка Моисея следует окончание вечерни без благословения хлебов: при пении стихир стиховных возвращаются в храм, после тропаря пророка произносится отпуст. Дальше следует такое замечание: “Если же поется великая вечерня, поем Богородице Дево трижды, и бывает благословение хлеба и вина, произносим псалом: Благословлю Господа, и полагается чтение” (Турікав, II. С. 410). В Diavtaxi” патр. Филофея есть замечание, что после литии, если нет бдения, по стихирах стиховных иерей возвращается в алтарь (Migne. P. G., 154, col. 757).

39 Мансветов. Церк. Уст. С. 81.

40 Тип. Аф.-Афон. Лавры № 92, XV в.; Тип. Аф.-Пант. монастыря 1841 г. (Турікав, II. С. 268 и 580). Помазание елеем, “от кандила еже пред праздничною иконою”, по нашему

типикону, положено на праздничных (не воскресн.) бдениях (на бдениях большинства господских праздников, Богородицы и святых). Чтение “оглашений” положено в конце утреннего богослужения по воскресеньям, а в Великом посту еще и по средам и пятницам (Виноградов. Уставные чтения. Вып. 1. Сергиев Посад, 1914. С. 204).

41 М. Скабалланович. Толк. Типикон. Вып. 2. С. 323.

42 Турікав, П. С. 177.

43 О профессоре МДА Д. П Огицком см.: Журнал Московской Патриархии. 1993. № 2. С. 104-109. — Прим. ред.

Источник — Журнал Московской Патриархии, 8/1998